

Г.В. Федюнева

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар*

Местоимения в контексте когнитивной лингвистики

Аннотация: В статье поднимаются вопросы, связанные с выяснением роли и функций языка в познавательной деятельности человека. Рассматриваются дейктические слова, прежде всего местоимения и их производные, уникальность которых в организации и концептуализации семантического пространства языка уже никем не оспаривается. Инновационные подходы к языковому материалу, предложенные в последние два десятилетия когнитивной лингвистикой, позволяют связать семантику местоименных слов с концептуальной сферой речевого поведения человека. По мнению автора, дейктические системы играют существенную роль в процессе осмысления человеком окружающего мира; они служат связующим звеном, скрепляющим семантическое, семиотическое и концептуальное пространства в коммуникативной и когнитивной деятельности лингвокультурологических сообществ, участвуют в создании национальной языковой картины мира.

The questions raised up in the article are connected with determination of role and functions of the language in the human cognitive activity. The subject under consideration includes the deictic words, firstly pronouns and their derivatives, whose uniqueness in organization and conceptualization of the semantic field of the language is not disputed anymore. Innovative approaches to the language material proposed in the last two decades by the cognitive linguistics make it possible to connect the semantics of pronominal words with the conceptual sphere of human speech behavior. In the opinion of the author, the deictic systems play an important role in the process of understanding the outworld by a human; they serve as a link that connects the semantic, semiotic and conceptual fields in the communicative and cognitive activities of linguistic-culturological communities; they also take part in creation of a national linguistic world view.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, местоимения.

Cognitive grammar, pronouns.

УДК: 801.541.44.

Контактная информация: Сыктывкар, Коммунистическая, 26. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Тел. (8212) 245088. E-mail: fed.lang@mail.komisc.ru.

Сегодня уже не может быть двух мнений относительно того, что на рубеже тысячелетий в отечественной лингвистике произошла смена научной парадигмы, определившая не только появление новых методов и методик исследования, но и новых направлений; на стыке с традиционной лингвистикой возникли психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др. комплексные дисциплины. Закономерным следствием всестороннего изучения внутренней структуры языков стало понимание недостаточности методов сравнительно-исторического языкознания, направленных на выявление их имманентных свойств в отрыве от конкретной речевой деятельности человека. Центр лингвис-

тических исследований заметно сместился с описания языка как относительно стабильной системы знаков к гносеологическим проблемам речемышления и речепорождения.

Непосредственным источником когнитивной лингвистики стала семасиология, в терминах которой явственнее всего прослеживается связь языковых смыслов с понятийными категориями человеческого мышления и их генезис. «Лексическая система открывает перед нами созданную языком наивную картину мира, и что особенно важно, – картину, предстающую в ее исторической перспективе» [Шведова, 1995, с. 410]. Неслучайно, в российской когнитологии наибольшее развитие получила семантическая проблематика, а наиболее яркие лингвисты-когнитологи – Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Н.В. Телия и др. – пришли в когнитивную лингвистику именно из семантики [Маслова, 2006, с. 20].

Грамматическая система, на первый взгляд, менее привлекательна для когнитивных исследований, однако именно в ней находят отражение наиболее общие результаты категоризации и структурирования информации, полученной социумом – носителем данного языка – в процессе его исторического развития. Когнитивное расчленение онтологического пространства в категориях грамматики аккумулируется в виде абстрактных концептов, таких, например, как количество и его часть, локальная и темпоральная дискретность, изоморфизм материи и ее атрибутов, однократность или повторяемость явлений вещного мира и многое другое. Вербализация ментальных знаний в грамматической системе осуществляется через оппозиции языковых знаков, самоорганизующихся в различного рода микро- и макросистемы, среди которых особое место занимают части речи как важнейшие операторы таксономии информации, получаемой в процессе перманентной когнитивной деятельности. «...Анализ когнитивных оснований отдельных частей речи важен не только для реконструкции разных фаз человеческого интеллекта и гипотез о филогенезе языка, но и для познания черт развития его грамматики, главных принципов организации всей лексической системы и, конечно же ее кардинальных лексических классов» [Кубрякова, 1998, с. 219].

В этом контексте особый интерес представляют дейктические слова, прежде всего местоимения, грамматический статус которых до сих пор не получил однозначной интерпретации. В рамках традиционных грамматических учений они не поддаются сколько-нибудь последовательной таксономической процедуре [об этом: Федюнева, 2008а], что создает значительные трудности для дальнейших теоретических построений и разработок. Особенно это касается прикладных дисциплин, связанных с компьютеризацией, созданием логико-информационных систем, разного рода переводчиков, моделированием искусственного интеллекта и т.д., при использовании естественных языков в которых особые проблемы создают «местоимения – этот общепризнанный камень преткновения для всех лингвистических процессоров...» [Падучева, 2002, с. 4].

Надо сказать, что с укреплением антропоцентрической парадигмы в языкознании и обращением к «человеческому фактору в языке» взгляд исследователей на природу местоименных слов существенно изменился. Из разряда «второстепенных» частей речи, выполняющих служебные функции указания и замещения, местоимения переместились в число наиболее значимых категорий языка, главной функцией которых является вербализация глобальных языковых смыслов. Семантика местоименных слов уже не сводится к «значимости формы» или к функции маркера, лишённого собственного лексического значения. Напротив, она понимается как аккумулятор и проводник множества типовых денотативных и неденотативных (собственно грамматических) значений и, более того, «как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» [Белоусова, 1995; Шведова, Белоусова, 1995; Караулов, 1998; Шведова, 1998; Федюнева, 2008б и др.].

В свете изложенного становится понятной и та роль, которую играют местоимения в структурировании языковой реальности, или так называемой национальной языковой картины мира. Мысль о фундаментальном различии между полем указания, которое формируют дейктические знаки, непосредственно связанные с ситуацией общения, и символическим полем независимых от ситуации назывных слов, высказанная еще К. Бюлером [Бюлер, 2000, с. 23], получает новое наполнение с позиций когнитивной лингвистики. Местоимения, по-видимому, могут быть причислены к тем языковым средствам, которые создают каркас для вербализации ментальных категорий, выступая в качестве общих структурных элементов, скрепляющих семантическое, семиотическое и концептуальное пространства в коммуникативной и когнитивной деятельности человека. Эта огромная, если не сказать решающая, роль местоимений в организации смысловой структуры языка осуществляется благодаря их способности одновременно отражать область высших абстракций и множество конкретных реалий, что, видимо, детерминировано универсальными механизмами речемыслительной деятельности человека.

Комплексный подход к языку как живому процессу, порождаемому в диалоговом режиме «здесь и сейчас», предоставляет широкие возможности для объяснения общих тенденций глоттогенеза и его частных проявлений, в том числе, дает разумное объяснение самому существованию таких общих слов, как *это, такой, где, тут, кто-то, то, он* и т.д., в большинстве языков мира образующих закрытую, относительно автономную микросистему, развивающуюся по своим внутренним законам. «Когнитивный подход к этим явлениям позволяет... обнаружить те общие тенденции в строении и организации языков, которые обязаны своим происхождением, с одной стороны, сходству в биологическом и физическом устройстве самого человека, с другой стороны, тому, что в своем взаимодействии с окружающей действительностью человек сталкивается с одними и теми же проблемами и, наконец, тому, что в общем виде оказывались идентичными и коммуникативные задачи, возникающие перед человеком, и что решать их надлежало людям примерно с одинаковыми когнитивными способностями» [Кубрякова, 1998, с. 219].

Дейктические системы, несомненно, детерминированы общим процессом когнитивной деятельности человека и отражают результаты общечеловеческого опыта в освоении действительности. Практически во всех языках имеются местоименные слова, отражающие разные ступени познания – тотальное незнание (*кто, что, какой, где, куда, почему, когда* и т.д.), частичное или неконкретное знание (*кто-то, что-то, какой-то, где-нибудь, куда-либо, почему-то, когда-нибудь* и т.д.), отрицание существования вообще (*никто, ничто, никакой, нигде, никуда, никогда* и т.д.). Ментальное знание человека о разных видах субстанции – живой и неживой – находит отражение в дихотомии интеррогативов *кто – что*, манифестирующих субъективное разделение объектов действительности на «людей и нелюдей» в большинстве языков мира.

Особый интерес для лингвокогнитивных исследований представляет языковая квантификация – вербальная репрезентация дискретных свойств материи в их количественном выражении. Множественность как атрибут материального мира в процессе речемыслительной деятельности человека получает различные виды ментальной категоризации (репрезентативная, дистрибутивная, тотальная, кумулятивная, парциальная и др. виды множественности). В разных языках виды квантитативности могут не совпадать, однако общие понятия, такие как «множество как целое», «множество как часть целого», «дискретное множество» и др., представлены во всех языках. Они находят отражение и в местоименной лексике, например, *все, эти, каждый, некоторый* и т.д. Общие способы вербализации, по-видимому, имеет и такая общечеловеческая категория, как темпоральность, отражающая субъективное восприятие человеком перманентно изменяющегося мате-

риального мира. Во многих языках «пространственное» понимание времени обычно выражается хронотопными демостративами в формах местных падежей, ср. финские *siellä täällä* «там и сям» и *silloin tällöin* «время от времени». Дейктические слова вербализуют такие общие для всех людей атрибуты ментального мира, как рефлексия, объективная и субъективная модальность и многое другое, поэтому во всех языках они выступают в роли экспрессивных и текстообразующих элементов.

Вместе с тем, в глубинных когнитивных структурах, реализующихся в семантике местоименных слов, могут находить отражение особенности историко-культурных традиций социумов – носителей конкретных языков, их менталитет, уровень научных знаний и т.д. Приведем несколько примеров.

Так, известно, что системы демостративов в разных языках значительно отличаются друг от друга, что, по-видимому, детерминировано особенностями логической сегментации онтологического пространства в зависимости от конкретной практической деятельности человека. В качестве ориентиров пространственного указания обычно выступают денотаты, которые могут различаться по степени удаленности (например, рус. *этот – тот*), известности или неизвестности, определенности или неопределенности, посессивности («свое / чужое») или индифферентности для говорящего, иметь различные сопутствующие характеристики. Скажем, в эскимосском языке имеется свыше двадцати основных указательных местоимений, различающих объекты дейксиса по признакам: далекий или близкий от говорящего, проходящий мимо или удаляющийся, видимый или невидимый, известный или неизвестный, наружный или внутренний, далекий от берега или на берегу, ниже говорящего или выше и т.д. [Майтинская, 1969, с. 67]. Эти значения могут быть переданы другими средствами любых других языков (ср., например, рус. «*этот, который движется*», «*тот, что находится выше меня, на горе*» и т.д.), однако сам факт наличия сложной системы демостративов, детально сегментирующих дейктическое пространство, говорит об особенностях речемыслительной когниции, детерминированной конкретными формами практической и ментальной деятельности носителей данного языка.

Или такой пример. В большинстве финно-угорских языков имеется категория посессивности, благодаря которой в поле личного дейксиса включаются не только собственноличные местоимения, но и семантически полнозначные слова: существительные, числительные, наречия, послелогии и т.д. Исторически развившиеся из личных местоимений, лично-притяжательные суффиксы значительно усиливают антропоцентричность языковых категорий, которые, получая дополнительные коннотации, подчеркивают личностные, интимные, «собственнические» оттенки ментального мира носителей этих языков. Например, для говорящего на коми языке предложение: *Ми асьым ѓтнаным ѓта-мѓдным вѓсна тѓждысиганым вермам бурдѓдчыным* «Мы сами(мы) одни(мы) друг за другом(мы) ухаживая(мы) сможем(мы) вылечиться(мы)» не является чем-то необычным, тогда как русской ментальностью оно воспринимается как явный плеоназм [см. об этом: Федюнева, 2008в].

Как отмечалось, местоимения выступают своеобразными операторами дискретизации информации и ее таксономии в виде иерархии понятий, связанных отношениями последовательного включения низших рангов в более высокие. Количество таксонов при этом в разных языках может не совпадать. Так, тотальное значение неизвестности, неопределенности, неопознанныости, имманентно содержащееся в значении вопросительных местоимений, может быть конкретизировано разного рода уточняющими компонентами или не иметь таких уточнителей, например, значения русских местоимений *кто-то* (неизвестный или неизвестные), *кое-кто* (один или несколько неизвестных для слушающего), *кто-нибудь* (один или несколько из известных, все равно кто), *кто-либо* (любой из известных, все равно кто), *некто* (один из числа неизвестных, малознакомых или известных

только говорящему) в коми языке передаются одним нейтральным местоимением *кодкӧ* [Федюнева, 2008б].

Качественное разнообразие окружающего мира, многомерность его атрибутов находит системное выражение в местоименных словах типа *какой, такой, всякий* и т.д., репрезентирующих концепт качества вообще, признака как таковом. Это общее понятие может конкретизироваться с учетом направленности практической деятельности, конкретных особенностей речевой ситуации и т.д. Поэтому во многих языках, кроме основных адъективных местоимений, существуют местоимения, отражающие более узкие классы признаков и качеств, так или иначе выделенных из разряда «признак вообще». Например, в финно-угорских языках адъективные местоимения различаются по дальности указания, типа финских *tällainen* «такой, как этот» – *tuollainen* «такой, как тот»; *sellainen* «такой». В некоторых из них имеются также конкретизированные формы указания, содержащие дополнительные компоненты идентификации признака как такового, например, венгерские *ekkora* «такой, как этот (по величине)» – *akkora* «такой, как тот (по величине)»; *efféle* «такого рода, как этот» – *afféle* «такого рода, как тот» и др. Подобные образования можно обнаружить и в языках других групп, например, в лакском языке Дагестана: *таксса* «такой по величине» – *лаксса* «такой по величине, как тот, верхний» [Майтинская, 1969, с. 115], что детерминировано общими принципами когнитивной деятельности носителей этих языков.

К сожалению, когнитивные аспекты дейктических слов в отечественной лингвистике практически не изучались. Между тем их исследование, особенно на материале типологически разных языков, может дать существенный толчок для развития когнитивной лингвистики, открыть новые горизонты для широких обобщений о национальной картине мира и ее отражении в языковом сознании различных лингвокультурологических сообществ.

Литература

- Белоусова А.С. К вопросу о семантической классификации местоименных слов // Филологический сборник. (К 100-летию В.В. Виноградова). М., 1995. С. 47–53.
- Бюлер К. Теория языка. М., 2000.
- Караулов Ю.Н. Предикация или неопределенность? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1998. С. 387–395.
- Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1998. С. 218–224.
- Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 2002.
- Федюнева Г.В. О таксономических признаках дейктических слов // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. Серия Филология. Искусствоведение. №4 (2). Том 2. Киров, 2008а. С. 138–146.
- Федюнева Г.В. О типологии местоименного значения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. СПб., 2008б. № 4 (16). С. 160–166.
- Федюнева Г.В. О границах личного дейксиса в языках разных типов // Филологические науки. М., 2008в. № 4. С. 48–55.
- Шведова Н.Ю. Глагол как доминанта в системе русской лексики // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 407–412.
- Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.
- Шведова Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова. М., 1995.